

Ученые и чиновники

Группа физиков 4 февраля выступила с важной статьей «Модернизация: Организация науки» в газете «Ведомости».

Авторы пишут: «Наука в России находится в катастрофическом состоянии и с каждым днем деградирует все сильнее. Помимо хронического недофинансирования в этом повинна организация науки, при которой даже те скромные средства, которые выделяются обществом «на науку», используются неэффективно, а порой коррупционно. Без привлечения к управлению по делам науки активно работающих ученых мирового уровня, имеющих авторитет в научном мире, и самого широкого использования для непредвзятой научной экспертизы иностранных ученых, как это делается сегодня во всех развитых странах, любые реформы и финансирование будут неэффективны, а общество и власти не будут доверять своим ученым».

Констатирующая часть этого суждения представляется абсолютно верной. Нельзя не подписаться под всеми соображениями авторов о неприемлемости как барьеров в международном сотрудничестве и нострификации дипломов, так и чиновничьего произвола, администрирования, разбазаривания ресурсов и средств, и т.п.

Чтобы понять структуру второй части заключения статьи, несколько упростим ее: «Если нет привлечения ученых и экспертизы, то любые реформы неэффективны». Иначе говоря, чтобы какие-либо реформы были эффективны, должно быть привлечение ученых и экспертиза. Авторы формулируют необходимое условие эффективности каких-либо реформ. На самом деле и авторов и научное сообщество не особо интересуют необходимые условия нормального функционирования науки — их немало. Нас интересует хотя бы одно достаточное условие, гарантирующее прекращение деградации науки и образования в России.

Такое гипотетически достаточное условие авторами сформулировано следующим образом: «Прекратить бессмысленное (а порой осмысленно полезное) расходование государственных денег может только одно: политику в области науки, технологии и образования должны формировать и проводить в жизнь не чиновники, а сами ученые и технологи, доказавшие свою продуктивность и пользующиеся авторитетом в мировом научном сообществе».

Термин «научная политика» авторами не определен. Политика в широком понимании — это сфера общественной жизни, связанная с различными аспектами власти как общественного регулятора. В более узком смысле под политикой понимают технологию достижения планируемых результатов. Основные задачи науки с властью никак не связаны — наука существует, прежде всего, как система знаний и представлений и только во вторую очередь как общественный механизм, осуществляющий эти задачи. Основные задачи науки от политики независимы. Наука есть важнейший институт сохранения человеческого вида путем передачи приобретенных навыков и знаний. Человек преодолевает свою биологическую ограниченность, передавая знания ушедших поколений потомкам. Политика реализует сиюминутные властные интересы, а наука делает человека бессмертным, сохраняя опыт предков для будущих поколений. Необходимо эти сферы организации человеческого сообщества строго разделять, ибо их смешение для науки губительно.

В статье постоянно звучит один и тот же мотив — чиновникам противопоставляются не все ученые, а «экспертное сообщество, состоящее из признанных ученых с мировым именем». «Признанные ученые» и «ученые с мировым именем» — это лексикон чиновничий. Наука оперирует законами Ньютона или теоремой Пифагора, сохраняя память об интеллектуальном вкладе наших великих предков в названиях их открытий. Сочетания «всемирно признанный Ом» или «ученый с мировым именем Евклид» науке совершенно чужды.

Всем знакома история Гриши Перельмана. Никакие советы и академии, составленные из признанных ученых с мировой репутацией, не могли ответить на вопрос Пуанкаре. Никакая научная политика тут не помогала. На вопрос Пуанкаре ответил внутренне свободный человек, которому не мешали эксперты до той поры, пока он не заинтересовал начальство. Итогом научной политики экспертного сообщества в этом случае стал грустный факт — Перельман заплатил за свободу творчества и вклад в науку, нужный человечеству, увольнением из академического учреждения. Видение науки и научной политики Перельманом оказалось ортогональным мнению людей с высокими индексами цитирования и Хирша. Эти индексы у Перельмана по сию пору ничтожны и, что самое главное, ни ему, ни научному сообществу совершенно не нужны для оценки его сочинений.

Скажут — Перельман исключение и сам виноват в своих бедах. Согласен — исключение. Но он в этом качестве не

одинок — каждый ученый исключителен, пока он ученым остается. Индекс Хирша ученого исключительности лишает.

Заявление любых экспертов о том, что Перельман виновник своего увольнения — суждение, достойное городничего с его унтер-офицерской вдовой. Случай с Перельманом — наиболее тривиальный и общеизвестный контрпример к гипотезе авторов статьи о том, что какой-либо академический ареопаг или совет научной элиты обладает особыми правами или возможностями в определении научной политики.

Свойство быть экспертом — функция времени. Неполно и иллюзорно универсальное суждение о том, что ученый с мировой репутацией и высоким импакт-фактором — лучший специалист сегодняшнего дня. У меня эту иллюзию когда-то навсегда развеял Л.В. Канторович. По наивности в свои молодые годы я задал ему специальный вопрос из теории аппроксимации, которой он в свое время с успехом занимался. Мудрый Леонид Витальевич ухмыльнулся и с превеликим удовольствием сказал: «Нашли время, когда спрашивать — вот когда я писал при это, — знал очень хорошо. Тогда бы и спрашивали!». Через некоторое время он прислал мне отклик своей статьи по обсуждавшейся теме с надписью «С приветом из 1939 года».

Сложный научный вопрос задают не академику, и не директору, и не автору статей с высоким индексом цитирования, а тому, кто сейчас этот вопрос понимает и знает. Каждый серьезный ученый в своей области знает, у кого что можно спросить или как узнать того, у кого надо спросить. Никто ни в академический справочник, ни в базу Томпсон-Рейтерс, ни в Российскую базу научного цитирования при этом никогда не заглядывает. Здоровье науки состоит в эффективном функционировании именно этого многовекового неформального, но исключительно эффективного механизма саморегуляции науки.

Администрирование в науке всегда вредно. Любое администрирование функцию саморегуляции нарушает. Авторы напрасно предлагают введение новых механизмов такого рода, построенных по правительственному шаблону. Стоит подчеркнуть, что выпячивание своих собственных рейтингов и индексов Хирша — вещь чиновничья, связанная с самолюбованием, подгребанием к мейнстриму и реверансами, чуждыми науке. Наука связана с неудачами. Потому ученый по убеждениям скромнен, понимая мизерность собственных индивидуальных возможностей по сравнению с величием духа человеческой популяции.

Ученые советы, редколлегии, академии, голосования и выборы — вещи сами по себе неплохие, но все они несут опасность разрушения науки, так как связаны с ненаучными процедурами принятия решений. Наука демократии не служит, как не служит политике и справедливости.

Авторитет науки и ее единственный приоритет — истина. Сохранение, поиск и передача найденных истин — главная задача науки. Никакие ненаучные институты организации человеческой жизни истине не служат. Власть, чиновничество и истина — вещи совершенно несовместные.

Те ученые советы, те директора и другие начальники пошлые и пожиже, те редколлегии и академии, которые осознали свои латентные разрушительные функции в науке, могут и нередко оказывают пользу науке. Те, кто не сознает пропасти отчуждения между властью и наукой, полагая, что могут наукой управлять и задавать какие-то научные стандарты, приносят науке непоправимый вред. Ротация выборных чиновников — вещь разумная. Ротация экспертов, предлагаемая в статье, — маниловщина, если не глупость. Так недалеко и договориться до ротации академиков и профессоров. Да и Перельмана давно пора ротировать.

Авторы из вежливости не говорят о дефектах Российской академии наук, которую в мнении общественности как раз и составляют или должны составлять «ученые и технологи, доказавшие свою продуктивность и пользующиеся авторитетом в мировом научном сообществе». Между тем Российской академия наук — важнейший механизм саморегуляции отечественной науки. Работает он неважно, но совершенствование его в руках ученых.

Ученые России имеют право надеяться на разум здравых сил Российской академии наук, на ее способность противостоять деградации. Для этого есть известные основания и надежда на то, что метод стволовых клеток поможет шагреновой коже мудрости и мужества. Передача властям каких-либо функций саморегуляции науки — вещь совершенно недопустимая. Чиновники и ученые — сословия разные.

С. Кутателадзе